

22 апреля 1999 года

Все врут календари

100 лет русскому писателю Владимиру Набокову

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Каждый телезритель, разбудив его посреди ночи, скажет, сколько осталось до дня рождения Александра Сергеевича. С Владимиром Набоковым все оказалось куда сложнее.

В пятом томе «Краткой литературной энциклопедии», вышедшем еще в 1968 году, было написано, что Набоков родился 5 мая. Допустим, то был грубый ляп советских набоковедов в штатском; ничего иного от них ждать не приходилось. Но и новейшие справочники называют разные даты: большинство 23 апреля, некоторые — 22-е (в БСЭ вообще 24-е). На канале НТВ столетний юбилей писателя справили вообще 10-го. Из толстых литературных журналов одна лишь питерская «Звезда» объявила апрельский номер «набоковским»; остальные, очевидно, нацелились на май. Но какие могут быть претензии к коллегам, если в набоковском паспорте Набокова значится: родился 22.04.99, а в американском — 23-го?!

Причина путаницы, казалось бы, понятна. Юлианский календарь, по которому жили в России во времена набоковской юности и верность которому хранит наша церковь, все сильнее отстает от нового, григорианского. В XVIII столетии разрыв составлял 11 дней, в XIX — 12 суток, в нашем веке он равен 13 дням, в XXI увеличится еще на день. Набоков ослепил родителей своим явлением 10 апреля 1899 года. Родился он двумя годами позже — и мы бы славили его 23-го. Однако он появился на свет на излете века, в год столетнего пушкинского юбилея, а значит, мы должны добавлять к 10-му числу 12 и поминать его в один день с Владимиром Ильичом Ульяновым-Лениным.

О «пушкинском» совпадении Набоков размышлял постоянно — и ревностно; по собственному поэтическому признанию, он жизнь свою взвесил «на пушкин-

ских весах». «Ревность о Пушкине» и впрямь снедала его, побуждала к сотворчеству — он дописал драматическую поэму «Русалка», которую великий предшественник оставил недовершенной. Та же мания пушкинского преследования дышит в каждой строчке набоковских комментариев к «Евгению Онегину», прорывается в многочисленных рассуждениях о прозе и поэзии Пушкина. И часто — слишком часто — слышна в интонациях Набокова некая обида: сколько же генеральных замыслов остались недополноценными! Как же Пушкин мог не видеть того, что вижу я? почему, для чего он родился на столет раньше — нет бы поменяться со мной местами!

Однако на «ленинское» совпадение Набоков как бы не обращал внимания. Хотя о самом Ильиче высказывался неоднократно — и много о нем читал. В 1990-м (свежо предание), перепечатывая одно из набоковских сочинений, редакторы выбросили знаменитое набоковское рассуждение о «зеленой жиже ленинских мозгов», которое на самом деле было раскавыченной цитатой из доклада Семашко о результатах вскрытия вождя мирового пролетариата. Каким же образом Набоков, с его педантичным вниманием к датам, неослабевающим интересом ко всем возможным и невозможным календарным параллелям, ухитрился упустить из виду столь вопиющее совпадение? Ответ, видимо, прост: автор «Дара», жестко противопоставивший любимца русской разночинной интеллигенции Чернышевского поистине великому Пушкину, не считал Ленина фигурой, достойной его, Набокова, рефлексии. Провинциальный адвокатик случайно подхватил власть, выпавшую из рук отца писателя, левого аристократа Владимира Дмитриевича Набокова. Лишь одна цитата из новейшей публикации (свежевышедший журнал «Звезда»): «В России глумивший коммунизм сменится чем-нибудь умным — и через сто лет о

Набоков Владимир Владимирович

22 апреля 1899: родился в Петербурге, в аристократической семье, гордившейся, однако, принадлежностью «к бесклассовой русской интеллигенции».

1904: в доме Набоковых на Большой Морской улице завершает работу Первый всероссийский съезд земских союзов.

1906: отец писателя В. Д. Набоков, один из лидеров партии кадетов, за протест против роспуска Первой Думы лишен права баллотироваться во Вторую и приговорен к нескольким месяцам заключения.

1918: отец, бывший управделами Временного правительства, становится министром юстиции в Крымском правительстве.

15 апреля 1919: эмиграция через Афины, Марсель, Париж в Лондон; Владимир Владимирович, не успевший окончить курс в Тенишевском училище, поступает в Кембриджский университет (закончит в 1922-м).

1920: переезд семьи в Берлин; литературный дебют в берлинской газете «Руль» под псевдонимом «В. Сириус».

1922: спасая жизнь П. Н. Милюкова, Набоков-старший погибает от пули террориста.

1925: В. В. Набоков женится на Вере Евсеевне Слоним.

1926: опубликован первый роман Набокова «Машенька».

1929: в журнале «Современные записки» начинается публикация романа «Защита Лужина».

1935: роман «Приглашение на казнь».

1937: Набоков перебирается в Чехию; «Современные записки» начинают печатать роман

«Дар», но от главы о Чернышевском издатели наотрез отказываются (полное издание появится лишь в 1952-м, в Нью-Йоркском «Издательстве имени Чехова»).

1938: Париж.

1939: завершен первый английский роман «Истинная жизнь Себастьяна Найта».

1940: переезд в Америку; работа в Уэлсли и Корнелле.

1945: получение американского гражданства.

1954: завершен роман «Лолита», написанный по-английски, позже переведенный автором на русский язык; от публикации последовательно отказываются крупнейшие американские издательства.

1955: книги выпускают во Франции.

До 1957-го (год выхода романа «Пнин») «Лолита» расходуется плохо, но в конце концов становится бестселлером.

1960: Набоков пишет сценарий по «Лолите» для Стэнли Кубрика; в том же году вместе с женой перебирается в Швейцарию и поселяется в отеле «Монтрё Палас», на берегу Женевского озера.

1964: издан четырехтомный комментарий к «Евгению Онегину» вкпе с прозаическим переводом пушкинского романа в стихах.

1973: Солженицын выдвигает Набокова на Нобелевскую премию (Шведская академия проигнорирует это выдвижение).

1974: «Обсервер» публикует набоковское письмо в защиту Владимира Буковского.

1977, 2 июля: Набоков умер; похоронен на кладбище в Монтрё.

«Дар», но от главы о Чернышевском издатели наотрез отказываются (полное издание появится лишь в 1952-м, в Нью-Йоркском «Издательстве имени Чехова»).

1938: Париж.

1939: завершен первый английский роман «Истинная жизнь Себастьяна Найта».

1940: переезд в Америку; работа в Уэлсли и Корнелле.

1945: получение американского гражданства.

1954: завершен роман «Лолита», написанный по-английски, позже переведенный автором на русский язык; от публикации последовательно отказываются крупнейшие американские издательства.

1955: книги выпускают во Франции.

До 1957-го (год выхода романа «Пнин») «Лолита» расходуется плохо, но в конце концов становится бестселлером.

1960: Набоков пишет сценарий по «Лолите» для Стэнли Кубрика; в том же году вместе с женой перебирается в Швейцарию и поселяется в отеле «Монтрё Палас», на берегу Женевского озера.

1964: издан четырехтомный комментарий к «Евгению Онегину» вкпе с прозаическим переводом пушкинского романа в стихах.

1973: Солженицын выдвигает Набокова на Нобелевскую премию (Шведская академия проигнорирует это выдвижение).

1974: «Обсервер» публикует набоковское письмо в защиту Владимира Буковского.

1977, 2 июля: Набоков умер; похоронен на кладбище в Монтрё.

общепризнанно великих русских писателей. Трудно поверить, что совсем недавно литературоведу, желавшему поговорить о Набокове прилюдно, приходилось прибегать к изощренным решениям, чтобы обмануть бдительную цензуру. (Так, Михаил Лотман напечатал статью, анализирующую стихи малоизвестного русского писателя Федора Годунова-Чердынцев — к счастью, цензор не знал, что это имя главного героя романа «Дар».) Некоторые из восьми романов, написанных Набоковым по-русски, и восьми сочиненных по-английски, уже сейчас входят в школьную программу и останутся в ней навсегда; некоторые — как «Лолита» — войдут в нее вряд ли.

(Как объяснить методистам, что роман посвящен не столько анализу сексуального комплекса, сколько религиозно-философским размышлениям об Адаме, отвергающем Еву в болезненной тоске по первой этой жене — Лилит?) Суть не в этом; куда важнее, что проза Набокова, интеллектуально перенасыщенная, стилистически преизбыточная, как правило — политически не ангажированная (если не преувеличивать социальное звучание метафизического романа «Приглашение на казнь»), в конце концов нашла путь к читателю. И не только к русскому. Набокову удалось то, о чем тщетно мечтали другие своеобразные сочинители XX века, пытавшиеся писать по-ан-

Владимир Набоков. Автошарж

лийски (включая Бродского). Он стал одинаково «своим» для русско- и англоязычной интеллектуальной публики, победил эмигрантский комплекс, превратил ностальгию из наркотического бреда в литературную тему. И — превратился в гражданина мира, который помнит о родине, подчас грустит о ней, однако от нее внутренне не зависит. Возможно, именно этим (а не романтической верностью разорванному большевиками родному гнезду) объясняется общеизвестный отказ разбогатевшего Набокова от собственного дома, предпочтение салонной роскоши швейцарского отеля уюту домашнего очага.

Естественно, всякая большая победа достигается ценой малого поражения. Установка Набокова на «конвертацию» неизбежно оборачивалась некоторой равноудаленностью от русской, европейской и американской литературной традиции. Но в конце концов сам Набоков превыше всего ценил чувство воли. А в нейтральных литературных водах, в их открытом пространстве настолько же меньше тепла, насколько больше свободы.

В основе «События» было «Сильное чувство»

Набоков не только ценил Ильфа и Петрова, но и вдохновлялся их творчеством

Николай РУДЕНСКИЙ

Как известно, Набоков не очень-то жаловал «подсоветскую», по эмигрантскому выражению, литературу. В постскрипуме к русскому изданию «Лолиты» (1965) вскользь упомянуты «картонные тихие донцы на картонных же хвостах-подставках» и «лирический доктор с лубочно-мистическими позывами, мещанскими оборотами речи и чаровницей из Чарской». А Солженицына — третья, после Пастернака и Шолохова, отечественного лауреата Нобелевской премии по литературе — высокомерно Набоков, если верить воспоминаниям его сестры, вообще не читал.

Но некоторых наших писателей советского периода Владимир Владимирович признавал: высоко оценивал Зощенко и Олешу, восхищался Окуджавой. Однако на первое место среди них он безоговорочно ставил Ильфа и Петрова. В одном интервью 1966 года Набоков назвал их «паразитически одаренными писателями», сумевшими обмануть бдительность коммунистической цензуры и опубликовать «ряд совершенно первоклассных произведений». И это была не просто беспристрастная оценка знатока. Еще в начале 30-х годов Набоков написал рассказ «Тяжелый дым», у героя которого, молодого эмигрантского поэта, на полке любимых книг стоят рядом «Защита Лужина» и «Двенадцать стульев». И наконец, сошлемся снова на опубликованное полгода назад в газете «Коммерсант» интервью сестры Набокова, 92-летней Елены Сикорской:

— Кого он читал из современных русских писателей?

— По-моему, никого. Он признавал только... Ну вы знаете, их двое писало... похождения... Ильф и Петров! Он считал, что это замечательная книга — «Двенадцать стульев».

И Набоков, и Ильф и Петров прославились главным образом своими романами. Но писали они и пьесы. В 1933 году в советском журнале «30 дней» появился доведень Ильфа и Петрова «Сильное чувство». Пять лет спустя, в 1938 году, в парижских «Русских записках» увидела свет пьеса Набокова «Событие». На сколько я знаю, эти весьма разные произведения ранее не сопоставлялись литературоведами. Между тем такое сопоставление могло бы дать любопытные результаты.

Прежде всего бросается в глаза явное сюжетно-структурное сходство. Героиня «Сильного чувства», московская дамочка Ната, бросает своего первого мужа по фамилии Лифшиц ради брака со Стасиком, обладателем большой комнаты. Покуда готовится и идет свадебный пир, Лифшиц (на сцене он практически не появляется) стоит на лестнице, заявляя свои права на Нату и наводя ужас на гостей. А вот как выглядит сюжетная канва «События»: в доме Трошечкиных мирно готовятся к семейному торжеству, когда внезапно выясняется, что из тюрьмы выпущен Барбашин — первый жених Любы Трошечкиной, в свое время стрелявший из ревности в нее и ее нынешнего мужа. Барбашин остается за сценой, но его грозный призрак витает над хозяйскими дома и собравшимися на день рождения гостями.

Есть и другие параллели. Младшая сестра Наты из «Сильного чувства» считает, что «Лифшиц гораздо лучше Стасика». Примерно так же сравнивает Барбашина и Трошечкину младшая сестра Любы из «События». Досрочно оказался на воле Барбашин — и досрочно выпущен из советской тюрьмы внезапно появившийся на свадьбе отец Стасика. В «Событии» фигурируют Алексей Максимович (Трошечкин) и Антонина Павловна (мать Любы), в «Сильном чувстве» — свадебные гости Лев Николаевич и Антон Павлович. На торжестве в «Сильном чувстве» есть свой свадебный генерал — иностранец мистер Пип. В «Событии» в этом качестве выступает писатель Петр Николаевич, первым делом требующий себе коньяку (в «Сильном чувстве» фраза «Водки не хватит» звучит из уст гостей постоянного рефреном). Этот перечень легко продолжить.

Конечно, «Событие» несопоставимо с «Сильным чувством» по художественной значимости. И в набоковской пьесе есть более глубокие параллели с творчеством предшественников — прежде всего с гоголевским «Ревизором» (об этом писал один из первых рецензентов «События» Владимир Ходасевич), а также с драматургией Чехова. И все же мне представляется беспорочным, что несприятельное «Сильное чувство» послужило предпосылкой к куда более крупному «Событию». Похоже, что литературная любовь Набокова к Ильфу и Петрову была не только платонической.

Все те же берега

Дом Набокова отмечает юбилей

Юлия КАНТОР

Петербургский набоковский фестиваль проходит без мишуры и сусальности — со вкусом и некоторой даже отстраненностью от культурного официоза. Место встречи — знаменитый особняк на Большой Морской, 47, где 22 апреля 1899 года родился Владимир Набоков и где он провел свою юность. Этот дом он будет вспоминать на русском и английском языках, но не вернется туда при жизни никогда: «Еще я духом жив, еще не сыт разлукой, чтобы унизиться до такой нелепости». После 1917 года от чего только не было здесь — от прапачной до партийного офиса, «выкуривших» из этих стен дух дворянского гнезда и изменивших его облик. Остались лишь строгий фасад с изящной мозаичной лентой, несколько оконных витражей (чуждом переживших Великую Отечественную), да фрагменты лепки потолков. Превращенная в музей, она сохранилась лишь в старинных фотографиях и чертежах. Помещения теперь «нарезаны» на небольшие комнатки с выкрашенными масляной краской стенами и линолеумом вместо утраченного набокового паркета.

Заседания Набоковского семинара, посвященного 100-летию

Президент Фонда Набокова Вадим Старк представил первый русский перевод набоковского комментария к «Евгению Онегину»

писателя, проходили в бывшей фамильной библиотеке, что размещалась на первом этаже. С 1997 года первый этаж занимает музей Владимира Набокова. Так почти 80 лет спустя хозяин вернулся домой, где его имя уже не проносится шепотом и где его книги не только популярны, но и модны. Музей Набокова в обновленных интерьерах (с аксессуарами быта прежних хозяев) в эти дни прини-

мает дары. Среди них великолепная коллекция набоковских бабочек, «прилетевших» из Гарвардского университета, афиша «Дня русской поэзии», состоявшегося в Берлине с участием писателя в 1927 году, первые издания романов «Дар», «Лолита» и «Машенька». И, наконец, знаменитое пенсне (так хорошо знакомое по многочисленным фотографиям), переданное музею Дмитрием Владимировичем Набоковым.

Дмитрий Набоков не приехал на юбилейные торжества, сославшись на болезнь. Это породило множество домыслов и предположений. Одно из них: сын писателя, как и другие члены набоковской фамилии, огорчен невозможностью возврата родового гнезда его законным хозяевам. «Сегодня этот вопрос неактуален. Во-первых, в России не принят закон о возврате такого рода объектов, во-вторых, создав такой прецедент, возвращать придется большую часть петербургских дворцов», — комментирует ситуацию директор музея Набокова Дмитрий Мильков. — Мы же со своей стороны хотим лишь сохранить отношения в таком виде, чтобы чувствовать себя здесь пусть не полноправными хозяевами (это, наверное, психологически невозможно), но постоянными жильца-

ми, а не временщиками. По-моему, это понимает и Дмитрий Владимирович, и его родственники. И наша точка зрения не вызывает у него отторжения».

Не возникает, разумеется, и вопрос о принадлежности государству чудесного белоколонного особняка на берегу реки Оредеж в Рождествене. «Каково было бы в самом деле опять увидеть... Рождествено, мне трудно представить себе, несмотря на большой опыт», — писал Владимир Набоков. Дом с бельведером сгорел несколько лет назад и теперь возрождается в буквальном смысле из пепла. Еще год назад, глядя на обугленный остов, трудно было поверить убежденным словам хранителя музея-заповедника Александра Семочкина: «К юбилею усадьбу отстроим». Несмотря на гримасы российской экономической жизни, вновь появился бельведер, воскресли колонны, есть новая крыша, укладываются полы... Уже не кажется утопией обещание: «Скоро здесь будет полноценный музей». Уже узнаваем особняк на помпозном временном обрывистом берегу, о котором в 1919 году двадцатилетний Набоков сказал: «Взгляну, — и мне счастье вспомнится».

Санкт-Петербург — Рождествено

Интерьер в доме Набокова в Петербурге